

Н.Г. Денисов

Российский гуманитарный научный фонд, Москва

Старообрядческая певческая Гуслица

Аннотация: Статья посвящена одному из крупных центров старообрядческого певческого искусства, вошедшего в историю под названием «Гуслица». В ходе изучения найденного в экспедиции документа, изданного на гектографе, исследуется специфика певческой терминологии, принятой в старообрядческой среде, состояние церковного пения в начале XX века, проблемы церковного образования. Материал впервые вводится в научный оборот.

The article dwells upon one of the most important centers of old-believers' art of chanting historically known as "Guslitz". On the basis of the document printed on a hectograph and found in the course of a scientific expedition the researcher studies the specifics of chant-terminology typical for old-believers, the state of liturgical chanting at the beginning of the 20th century, the problems of clerical education. The above material is being presented to the scientific world for the first time.

Ключевые слова: старообрядчество; церковное пение; знаменный распев; певческие рукописи.

Old-believers, Liturgical Chant, Znamenny Chant, chant manuscripts.

УДК: 783.2.

Контактная информация: Москва, ул. Ярославская, д. 13. РГНФ, отдел филологии и искусствоведения. Тел. (495) 6832010. E-mail: denisov_nikolay@mail.ru.

Одним из широко известных певческих центров в истории старообрядчества являлись знаменитые Гуслицы. «Гуслицы – старинное название обширной местности в Подмосковной Мещере. Расположена между г. Куровское, Егорьевском и верховьями р. Нерской. Занимает площадь около 400 км², охватывая десятки сел и деревень» [Географический словарь Московской области, 1967, с. 65]¹.

Гуслицы не являлись собственно духовно-административным центром, какими были Ветка, Иргиз, Керженец, Рогожское и т.д. Однако история старообрядцев поповцев, особенно белокрыницкого согласия, немыслима без них. В этом нет ничего удивительного. Историкам старообрядчества хорошо известно особое, крайне агрессивное неприятие гусялками «Окружного послания». Многие села были яркими «неокружниками», не признавали авторитет Рогожского центра². Гусялки занимались иконописью, искусством медного литья.

Кроме религиозной, у них огромны заслуги в разных сферах жизни русского общества. Здесь находились основные текстильные предприятия Морозовых, фарфоровые фабрики Кузнецова. Всем известны павлово-посадские платки, гжельская посуда и т.д. И, тем не менее, осмелюсь сказать, что когда речь заходит о Гуслице, каждый грамотный старообрядец вспомнит их певческие рукописи.

¹ Гуслицами много занимается Е.А. Агеева. Ей принадлежит наиболее полная публикация о Гуслице в Православной энциклопедии [Агеева, 2006, с. 503–509], которая переиздана в журнале [Агеева, 2007, с. 5–15.]

² До сих пор в этих местах есть неокружнические села, в которых люди собираются на общинные моления.

В этом отношении трудно переоценить все то, что сделали гуслики. Трудно назвать еще такое место, не только в истории старообрядчества, но и всей древнерусской певческой культуры, где бы было написано столько книг. «Гуслица – это центр старообрядчества. Отсюда... гуслики ходили обслуживать старообрядческие храмы чуть ли не по всей Руси» [Церковное пение, 1909, с. 224]. Так вот в этом, последнем качестве, Гуслица пока не была по достоинству оценена историей, потомками, наукой, хотя на всем земном шаре, где проживают старообрядцы, независимо от того, к какому согласию они принадлежат, как правило, имеются гуслицкие рукописи. Однако, в музыкальной медиевистике существует только одна статья о. Евгения Бобкова «Певческие рукописи гуслицкого письма» [Бобков, 1977, с. 388–394]. Палеографические особенности рукописей он характеризует следующим образом: «Орнамент гуслицких певческих рукописей очень своеобразен, его трудно спутать с каким-либо другим, особенности его очень индивидуальны. Он представляет собой, на наш взгляд, очень своеобразное развитие элементов старопечатного орнамента московских книг. В нем постоянно присутствуют такие характерные элементы, как, например, черта с вьюнком. Но строгая графика старопечатного орнамента дополнена здесь богатством красок и своеобразностью вариантов развития. Сочетания цветов бывают обычно двух видов: или желтый, красный, голубой, и зеленый, или же – желтый, зеленый, с добавлением неяркого красного... Примерно с середины XIX в. в орнаменте гуслицких рукописей появляется также золото, чаще всего взамен желтой краски, а иногда в дополнение к ней. Заставки и инициалы становятся более торжественными» [Там же, с. 390]. «В рукописях гуслицкого письма есть свои оттенки, которые свойственны чаще даже отдельным мастерам, чем местностям. Можно выделить имена отдельных переписчиков: Шитиковы, Крутиковы, Кашкин, Добренький, Кабанов и др.; выделяются отдельные группы деревень: Беливо и Загряжская, Мисцево и Петрушино, Степановка и Абрамовка. Но все различия в письме и орнаменте рукописей из этих мест – лишь варианты гуслицкого письма, все эти рукописи имеют много сходного и отличаются одним общим направлением.

Вместе с тем существует так называемый «Беливский распев» – явление музыкального, а не графического порядка. Отсюда, очевидно, и пошло выражение «беливское письмо» [Там же, с. 389].

Певческие традиции Гуслиц могут изучаться в самых разных аспектах. Это: история зарождения певческих традиций; формирование своеобразного промысла – переписи певческих книг; истоки гуслицкого письма – особенности написания крюков; способы написания фит (в разводе, без развода, в самом певческом тексте, на полях); особенности заставок в певческих рукописях и их репертуар; время складывания, своего рода, классических гуслицких книг, служивших образцами для последующих поколений и других певческих центров; значимость этих книг для старообрядческой певческой культуры; период угасания рукописной традиции; сложные взаимоотношения гуслицких с издателем Л. Калашниковым, занявшимся печатным изданием певческих книг в начале XX в.; наконец, собственно музыкальные редакции, изложенных в книгах песнопений; живая богослужебная практика в действующих в настоящее время в гуслицких местах старообрядческих храмов¹; описание собраний певческих гуслицких рукописей в фондохранилищах библиотек нашей страны и т.д.

Резонно возникает вопрос: чем руководствовались гуслицкие старообрядцы, когда целые деревни, династии, на протяжении десятилетий становились певческих дел мастерами. Часто, рассуждая о возникновении и расцвете гуслицких промыслов, указывают на причины материального характера: плохую землю, на которой не растет хлеб и, в связи с этим, необходимость выживания, чем, как пра-

¹ К большому сожалению, живая певческая культура гуслицких храмов не попала в сферу изучения в последние десятилетия.

вило, объясняется и возникновение певческого промысла. Вышеизложенному, есть резонные возражения. Средства на жизнь можно было зарабатывать по-разному, например, изготовлением фальшивых денег, чем также занимались гуслики. На них был спрос. В данном, своего рода, «промысле», не было ничего оригинального для России того времени.

Другое дело – переписывать певческие церковные рукописи. Хранимое старообрядцами искусство знаменного пения резко критиковалось в русском обществе, было вне законов красоты. Приведу только два высказывания. Так, уже в первой половине XVIII в. поэт Василий Кириллович Тредиаковский писал: «Нежность слуха весьма различна: так называемое демественное пение раскольникам, а столповое некоторым старикам нашим столь приятно, что не могут навеселиться, слыша оное; но от партесного уши затыкают» [Музыкальная эстетика, 1973, с. 182]. Или такое высказывание, которое относится уже к началу XX века. В рецензии на выступление старообрядческого Морозовского хора на сцене Большого Зала Московской консерватории очень авторитетный в начале XX в. музыкальный критик и композитор Н. Компанейский на страницах «Русской Музыкальной газеты» в № 8 за 1908 год писал: «Унисонное пение не может удовлетворять культурный народ. С подъемом музыкального просвещения России, старообрядцы вынуждены будут уступить религиозно-эстетической потребности просвещенного народа и ввести многострочное крюковое пение» [Старообрядческая мысль, 1910, с. 2]. Данные цитаты я привел для доказательства того, что не только вопросы заработка заставляли гусликов заниматься искусством певческого дела, но и твердое понимание ими святости культуры, которую большая часть российского общества тогда отвергала.

Гуслики были не формальными переписчиками книг. Они являлись профессиональными знатоками певческого дела, понимали морфологические и синтаксические законы построения знаменных напевов. Свидетельством этому служит резкая критика гусликов первых печатных изданий крюковых книг (как Морозовских, так и Калашниковских). Конечно, здесь ими двигали и жизненные интересы – спрос на их книги. Но критика, которой подвергались печатные издания, была справедливой и грамотной. Больше того – она была эффективной. Поэтому А.И. Морозов больше не переиздавал свои книги. Л. Калашников, вынужден был на страницах журналов: «Церковь», «Церковное пение», «Старообрядческая мысль» – оправдываться и давать объяснения, подчиняться критике и исправлять ошибки. И издание таких певческих книг, как «Ирмосы» (второе издание), «Октай», «Обиход» вышло с учетом замечаний и рекомендаций, на которые указывали гуслицкие мастера¹.

Резонно возникает еще один вопрос, если речь идет о певческом искусстве – каково было состояние реальной богослужебной практики в Гуслицких местах в прошлом. Интересные сведения по этой проблематике раскрывает один документ, попавший в поле внимания автора². Он был издан тайно, на гектографе и представляет собой материалы V-го Всероссийского съезда старообрядцев 1904 года «(4^о, № 1828)» [Агеева, 2000, с. 468]. Из его содержания следует, что проходивший до этого IV-й Всероссийский съезд старообрядцев выбрал Совет Попечителей. Этот Совет выделил значительные средства на открытие школ церковного пения и чтения для детей старообрядцев и проверял, как они используются. «В отчетном году Совет Попечительства имел 15 школ, в которых обучалось 335 учеников. В школах кроме мальчиков обучалось 27 девочек, которые, по отзывам учителей пения, оказали не меньшую способность к пению, чем мальчики.

¹ Этот факт подтверждал мне старейший уставщик Рогожской общины Валентин Александрович Лукин (1907–1993). Будучи мальчиком, он был свидетелем этих событий.

² Он уже вводился в научный оборот автором этой статьи и Е.А. Агеевой [Агеева, 2000, с. 464–471; Денисов, 1996; 2004].

Содержание всех школ за отчетный год Попечительству обошлось в 999 рублей». Школы были открыты в Московской, Владимирской, Нижегородской, Оренбургской, Черниговской и Вятской губерниях¹. В связи с подготовкой V Всероссийского Съезда старообрядцев Совет Попечительства попросил Московское Братство Святого Креста сделать проверку деятельности школ. В Приложении к материалам съезда и представлена «докладная записка ревизовавшего Попечителя школы пения». Проверке были подвергнуты школы, находящиеся в Московской, Рязанской и Владимирской губерниях. Территория, на которой они были расположены, являлась пограничной между этими тремя губерниями и представляла как раз историческую Гуслицу². Существовали школы полуполюгально, так как в документе названия сел, деревень, фамилии учителей обозначены только первой и последней буквами. Зашифровал себя сам проверяющий инициалами «М.П. Ф-к.». Может быть в будущем его имя станет известным. Изучение его отчета свидетельствует о том, что он был очень грамотным человеком в области певческого церковного искусства и с порученным заданием от Попечительства справился блестяще. Со всей откровенностью изложены в отчете достоинства и недостатки обучения³.

Он учел все, что имело отношение к певческому искусству. В отчете подробно описывается: количество учеников в каждой школе, сколько из них мальчиков и сколько девочек, кто ведет обучение (уставщик храма или приглашенный учитель), какой год обучения (первый или второй), по каким книгам ведется преподавание, во сколько начинаются и заканчиваются уроки, какая существует плата за обучение, как объясняются знаки, как преподаются фиты, попевки и, наконец, какими способами делается звукоизвлечение, каков темп, постановка голоса и т.д. Подтвержу это конкретными выдержками.

«Сельцо В-Москов. Губ. Здешнее училище находится в заведывании С.Д. Ш. Учителем по чтению и пению состоит местного молитвенного храма уставщик М-С; учит второй год. Всех учащихся находится 27 учеников, из них 5 девочек. Пению учатся 6 человек. Одни из них учат Октай, а иные Ирмосы, а выучившиеся по словам учителя будто бы до 15 учеников, пели по Октаю, Ирмосам, Праздникам и частично по Обеднице. ...да и постановка пения не тактичная, от чего получается на переверке неуместная спешность, сбивчивость и запутанность. ...потому пению все начинают не с азбуки, а по Октаю; и как сей учитель, так и другие жалуются на краткость учебного срока. Они уверяют, что был бы настоящий успех, если бы проходили, по пению месяц или два даже после Пасхи, как это делается в деревне П.Е., где учатся до конца июня, а не как в большинстве только до Пасхи. Количество часов на учение в течение дня неодинаково. Но в большинстве учат с 8-ми утра и до 5 часов вечера. На обед почти везде полтора часа. Учащиеся пению весь день поют, а не как бы следовало полдня чтению, а полдня пению. Здешний учитель, по его словам... в храме приучает их к пению. ...весьма благодарны Попечительству и заведующему училищем Г.Ш-У родители учащихся» (с. 50–51 документа).

Этот небольшой отчет только по одному селу представляет своего рода маленькую энциклопедию. Здесь указано все: село, где проводилась проверка, кто и как давно является учителем пения, количество учеников, сколько из них мальчиков и девочек, книги, по которым ведется обучение, какая постановка пения и каково оно по качеству, обозначены недостатки в исполнении учеников, сроки

¹ При этом указывалось, что часто их деятельность наталкивалась на противодействие со стороны духовенства господствующей Церкви.

² В настоящее время она входит полностью в Московскую область, являясь частью Ногинского, Орехово-Зуевского, Егорьевского районов.

³ Именно рассмотрению этих вопросов изучаемого документа посвящена статья автора «Из истории певческих традиций Гуслицы» [Денисов, 2004].

учебного процесса, количество часов, которые отводятся на занятия, начало и окончание учебного дня, заслуги попечителей. Такие отчеты представлены по всем местам, где была проверка, с указанием всех особенностей того или иного прихода. Приведу еще небольшие выдержки. Например, в деревне «С... обучаются чтению и пению в числе 27 учеников с платою по 50 копеек... поют основательно и приятно, по постановке пение не спешно, по полнению звуков несравненно превосходнее Б-го...учитель этот И. И. – один из опытных преподавателей по пению, занимающийся учением уже более 40 лет» (с. 52 документа). Еще пример: «Проходят пение и демеством... пение проходится весьма опытно и тактично. Характер пения натуральный по духу церковности, подходящее к требованиям 75 правила 6 вселенского собора, не слышится излишних натяжек и неискusstvenных украшений» (с. 53 документа). Данный отрывок особенно примечателен. Он может служить предметом изучения особой певческой терминологии старообрядцев. В терминах, которые, естественно не являются музыкально-академическими, настолько тонко оценивается исполнение, что его почти слышишь наяву. Кроме этого, видно, насколько цельным было мировоззрение старообрядцев по вопросам церковного пения! Критерием в оценке церковного пения для проверяющего является постановление 6-го Вселенского собора, того собора, на котором и принимались решения о канонах церковного пения.

В документе указаны и недостатки, даже вольности, имевшие место в преподавании и недопустимые для старообрядчества. Так, выяснилось, что «в д. Г. Вл. Губ... Есть слух, что учитель имеет скрипку, но неизвестно, применяет ли ее. Как он сам увлечен в сторону «новомодного пения» по постановке голосов, так и учеников сим направлением увлекает» (с. 55 документа). В другом месте «учитель В.В. Королев (как говорили по слабости воли) на проверку не явился» (с. 54 документа).

Но особого внимания заслуживает та часть отчета, в которой проверяющий описывает само церковное исполнение. В частности, удивляют термины, которыми он пользовался. Фактически они, в какой-то степени, выявляют специфику старообрядческой певческой терминологии, которой существовала в то время, и была не идентичной академической, светской. Оценки, дающиеся пению, могут составить представление о том, каким было церковное пение в начале XX века у старообрядцев, каким критериям должно было отвечать по их представлениям. Но прежде, чем привести примеры, хочется остановиться на тексте вступления к Отчету. Его содержание свидетельствует о том, что старообрядцы и тогда, находясь «в подполье», думали о будущем поколении, осознавали большую роль пения в религиозном воспитании. Так, открытие школ считалось необходимым для того, «чтобы с юного возраста научить детей церковному пению...<...>. За то молодежь не будет стоять в церкви позади и нарушать благолепие службы шалостями, а придет на крылос и станет действительно участвовать в служении Богу. Кроме того при церквях не нужно будет содержать тогда специальных певчих, обременительных не только в отношении расхода на них, а и своею праздною в свободное от службы время.

Пение вообще свойственно человеку. Оно должно сделаться столь же необходимым для него как разговор. Оно украшает жизнь, оно живительный источник, утоляющий жажду нашей души» (Л. 6 об.).

Далше приведу наиболее интересные примеры, в которых описывается преподавание пения и его исполнение¹.

(В «сельце Б. Моск. губ.»): «...да и постановка пения нетактичная, отчего получается на поверку неуместная спешность, сбивчивость и запутанность» (Л. 50–51).

¹ Все цитаты выделены курсивом, а сами термины, которые использует проверяющий, подчеркнуты.

(В «селе Г.»): «...из 6 учащихся пению двое при мне пели по Октаю: поют основательно и приятно, по постановке пение неспешно, по полнению звуков несравненно превосходнее Б-го (зашифровано название села. – Н.Д.)... учитель этот И.И. – один из опытных преподавателей по пению, занимается учением уже более 40 лет. <...> Проходят пение и демеством... пение проходится весьма опытно и тактично. Характер пения натуральный по духу церковности подходящий к требованиям 75 правила 6 Вселенского Собора, не слышится излишних натяжек неискусных украшений» (Л. 53).

(... «путь в д. П. Моск. губ.»). «Проверялось 5 человек. Поют основательно и неспешно» (Л. 53).

(«Д. Г. Влад. губ.»). «Здесь постановка голосов не надлежащая: построено 3 голоса. Одни из учеников поют не нормально низко, как бы сердящиеся ворчат, а другие поют светлыми голосами, но не естественно и высоко, а третьи поют писканиями неуместными, а посему характер пения здесь получается противный духу церковности. Ибо он в противлении 75 правила 6 Вселенского Собора и 175 правила Номоканона, заражен до излишества вольностями. Голоса одни одебеляются, а другие, в подражание итальянскому пению, утончаются, а третьи выдаются неестественною высотой. Вместо умиления, проявляется тактика военищины, и проглядывает бьющая на слух резкость и даже дерзость и кичение голосом, которых, к слову сказать, порядочных здесь и не слышится.

Есть слух, что учитель имеет скрипку, но неизвестно, применяет ли ее» (Л. 54 об.–55) (о чем было сказано выше).

«...как он сам увлечен в сторону “новомодного пения” по постановке голосов, так и учеников сим направлением увлекает» (Л. 55 об.).

(«Д. Б.»), «где издавна славятся певцы по знанию пения и по письму образцового напева певческих книг» (Л. 56 об.). «Напевка здесь основательная и правильная.... Но что главное здесь, так именно то, что здесь сохранилось древнее правильное наречное пение, согласно правилам Церкви» (Л. 57).

(«Деревня Е. Рязанск. губ.»): «...учитель П.Ф. Поскребенков (единственный случай, когда фамилия учителя приведена полностью. – Н.Д.) поет с некоторыми хотя и терпимыми заволоками, но вредного духу правил в его пении не слышится, как у Г. учителя, а лишь одни неискусные украшения, которые освоены и учениками... Он (священник. – Н.Д.) и учитель пропели при мне один стих из Литургии, демеством – попевисто и натурально, хотя и не без украшений... но не злонамеренно, а по неискуству» (Л. 58 об.–59).

(«Деревня П-е Рязанск. губ.»): «Поют слушанные... основательно и тактично» (Л. 59).

«Сим местом закончив мой, быт может как в первый раз раз и не достаточный обзор, заключаю сие доношение еще общим сжатым очерком. Обиходному пению, как оправдываются учителя краткостью учебного срока кроме Бел. (сокращенное название села. – Н.Д.) нигде я не слышал, чтобы учили. Подробному названию крюков или точнее знамен черных учеников не учат, а также и содержанию звуков в каждом знамени не объясняют. А ежели и объясняют, то только приблизительно, а в Б. (сокращенное название села. – Н.Д.) и других местах даже поверхностно. Фиты, лица, кулизмы также преподаются машинально.

Чтение не было поручено проверить.

Проверяющий М.П. Ф-к. 8 марта 7412 (1904) года» (Л. 60 об.).

Обучению пению являлось частью более объемной программы старообрядцев, по созданию сети школ. Лучшие представители старообрядчества понимали, что для дальнейшего выживания нужно поднимать уровень грамотности своей паствы, создавать специальные школы по чтению, пению, иконописанию, строить типографии для печатания книг и «вообще всего полезного для Церкви Христовой» (Л. 87). Учитывая невозможность осуществления проекта в России, такой Центр планировалось создать в селе Климовицы, на территории Австро-

Венгерской империи¹. Правда, не исключалась и попытка открыть это заведение в России. В качестве предлога использовалось радостное событие в жизни Императора Николая II – рождение наследника². В 1904 году никто еще не предполагал, что 17 апреля 1905 года выйдет Императорский Указ «О веротерпимости», который откроет старообрядцам возможности для подъема религиозной и просветительской жизни.

Но вернемся снова к изучаемому документу. Оценки, дающихся пению в школах, свидетельствует, что тогда, в сознании грамотных старообрядцев были четкие критерии того – каким должно быть церковное пение. С одной стороны, обязательна была ссылка на канонические правила, которые так любят представители старой веры. В этом отношении проблем не возникало: дается ссылка на 75 правило 6 Вселенского Собора и 175 правило Номоканона. Совсем иное дело – реальная практика. Анализ приводимых в документе выражений и терминов убеждает в том, что церковное пение оценивалось старообрядцами рядом музыкальных особенностей, которые выражались специфическими терминами. Они касались темпа (*«неуместная спешность»*, *«сбивчивость»*, *«запутанность»*, *«неспешно»*, *«основательно»*), динамики (*«на слух резкость и даже дерзость и кичение голосом»*), регистра (*«не нормально низко, как бы сердящиеся ворчат»*, *«светлыми голосами, но не естественно высоко»*, *«писканиями неуместными»*), звукоизвлечения (*«по полнению звуков насравненно превосходнее»*, *«постановка голосов не надлежащая»*, *«как бы сердящиеся ворчат»*, *«писканиями неуместными»*, *«голоса одеваются»*, *«утончаются»*, *«выдаются неестественною высотой»*), характера исполнения (*«постановка пения нетактичная»*, *«характер пения натуральный по духу церковности»*, *«характер пения... противный духу церковности»*, *«вместо умиления... тактика военщины»*, *«древнее правильное наречное пение, согласно правилам Церкви»*, *«поет с некоторыми терпимыми заволками, но вредного духу правил... не слышится»*, *«поют... основательно и тактично»*, *«попевисто и натурально»*), методики изучения знаков и роспевов (*«проходят пение и демеством... пение проходит весьма опытно и тактично»*, *«Обиходному пению... не слышал, чтобы учили»*, *«подробному названию крюков... не учат, а также и содержание звуков в каждом знамени не объясняют»*), соответствия пения духу церковности (*«характер пения натуральный по духу церковности»*, *«противный духу церковности»*) и, наконец, наличие или отсутствие в нем всякого рода нововведений (*«есть слух, что учитель имеет скрипку»*... *«как он сам увлечен в сторону «новомодного пения»»*)³.

Интересно, что уже тогда же староверы выделяли особый пласт пения, обозначая его термином «напевка», да еще уточняя – какой может быть (*«напевка правильная и основательная»*).

Проверяющий обратил внимание и на сопоставление устной практики с письменными источниками, на то, как преподается и исполняются фиты (*«фиты, лица, кулизмы ...преподают машинально»*), демественный роспев (*«пропели... один стих и Литургии демеством – попевисто и натурально, хотя и не без украшений... но не злонамеренно»*) и т.д.

Дальнейшее собирание этой терминологии, ее трактовка (при том, что она, конечно, будет носить умозрительный характер), позволит пополнять знания по истории церковного пения в старообрядческой среде в прошлом, и поможет делать сопоставления с современным состоянием певческого искусства.

¹ В настоящее время территория Румынии.

² В России существовала традиция обращаться со всякого рода прошениями к Императору по случаю рождения наследников.

³ По-видимому, и тогда, на рубеже XIX–XX вв. многим старообрядцам трудно было устоять перед музыкальными нововведениями, почему консервативный старовер их критикует.

И так описаны все места. То есть человек, который осуществлял проверку, профессионально разбирался в музыкально-выразительных средствах церковного пения. В сделанном по итогам проверки отчете съезду, он высказал ряд предложений относительно того, каким видит будущее старообрядчества в данном вопросе.

Интересно, что вопросы церковного пения и певческого образования были для старообрядцев неотделимы от вопросов веры. Лучшие представители староверов, на протяжении всей истории старообрядчества, даже в периоды самых сильных гонений, всегда думали о подготовке грамотных кадров по вопросам церковного пения. Поэтому, невзирая на запреты, в определенных местах создавались тайные учебные заведения. Гуслицы и являлись таковыми. Это ли не доказательство авторитета и значимости Гуслиц в старообрядческом церковно-певческом искусстве!

Проверка училищ в гуслицких местах была вызвана вполне определенными причинами. Как известно, за рубежом на старообрядцев не было религиозных гонений. Поэтому в селе Климовицы, расположенном на территории Австрии, старообрядцы решили открыть ряд новых учебных заведений, в том числе и по пению. Нужны были кадры, опыт. У гусяков он уже имелся.

Приведу выдержки из предложений, которые содержатся в документе. «От далекой седой старины, – говорит г. А.С. Пругавин, – от нашего исторического прошлого мы унаследовали не мало печального и тяжелого в разных областях Государственной, церковной и народно-общественной жизни. Но едва ли больше всего мрачных пережитков старины сохраняется у нас в той именно области, которое по своему существу, по своему внутреннему характеру должно быть совершенно свободно от всего, что только носит на себе печать жестокости и насилия. Мы разумею область веры, область религиозных убеждений» (с. 67 документа). Понимая, насколько важно образование, проверяющий и подготовил доклад, с которым выступил на съезде. В нем он предложил «...поставить своею задачею устройство ...школ грамоты, церковного пения, писания крюковых книг для пения, иконописания, типографий, печатание церковных книг, устройство богаделен, лечебницу, или больницу, свечных заводов и вообще всего полезного для церкви Христовой» (с. 87 документа).

Все это планировалось, повторяю, создать в селе Климовицы.

Кроме того, автор подготовил обращение, направленное Царю. Дело в том, что в России в честь рождения царских наследников, было принято открывать благотворительные и просветительные заведения. Многие такие заведения были открыты в связи с рождением у царя Николая II наследника. Воспользовавшись этим событием, автор данного документа и предложил Пятому Всероссийскому съезду старообрядцев обратиться с ходатайством к Государю об открытии училища для старообрядцев. «Честь имею со своей стороны, предложить ходатайствовать пред Государем о разрешении устроить в ознаменовании радостного события в семье царской в одном из городов старообрядческого училища для детей воинов старообрядцев... причем преподавание закона Божия и крюкового пения должно производиться лицом старообрядческого вероисповедания по старопечатным книгам» (с. 98 документа).

Еще один вывод, который напрашивается из анализа документа. На протяжении всей своей истории старообрядческая церковь уделяла большое значение вопросам церковного пения¹. И всегда, когда речь заходила о пении: при печатании книг, выборе редакции песнопений, образцов почерка написания крюков, преподавании пения и т.д. – в орбиту внимания сразу принимались гуслицкие певческие традиции.

¹ Данная тема может служить предметом не только отдельного доклада, но и конференции.

Литература

- Агеева Е.А. Гуслицкие рукописи Московской коллекции Отдела книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова // Гимнология. Вып. 1 М., 2000.
- Агеева Е.А. Гуслица [Гуслицы]. Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13.
- Агеева Е.А. Гуслица // Гуслицы. Историко-краеведческий альманах. Ильинский Погост, 2007. Вып. 5.
- Бобков Е.А. Певческие рукописи гуслицкого письма // Труды отдела древнерусской литературы. 1977. Вып. XXXII.
- Географический словарь Московской области, М., 1967.
- Денисов Н.Г. Устные традиции пения у старообрядцев: пение по «напевке», вопросы интерпретации. Дисс. ... канд. искусств. М., 1996.
- Денисов Н.Г. Из истории певческих традиций Гуслицы // Гуслица старая и новая: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. М., 2004.
- Музыкальная эстетика России XI–XVIII вв. М., 1973.
- Старообрядческая мысль. 1910. № 1. Приложение.
- Церковное пение: ежемесячный журнал. 1909–1910. № 1–12.